

DOI: 10.19181/inter.2026.18.1.4

EDN: AVPROY

Когда интервью становится «почти терапией»: границы роли исследователя в разговорах о войне и вынужденном переселении

Ссылка для цитирования:

Муха В. Н. Когда интервью становится «почти терапией»: границы роли исследователя в разговорах о войне и вынужденном переселении // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2026. Т. 18. № 1. С. 74–93. <https://doi.org/10.19181/inter.2026.18.1.4> EDN: AVPROY

For citation:

Mukha V. N. (2026) When the Interview Becomes “Almost Therapy”: Researcher’s Role Boundaries in Conversations about War and Forced Displacement. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 18. No. 1. P. 74–93. <https://doi.org/10.19181/inter.2026.18.1.4>

Муха Виктория Николаевна

Кубанский государственный
технологический университет,
Краснодар, Россия

E-mail: v.mukha@bk.ru

Статья посвящена профессиональным и этическим рискам, возникающим в глубинных интервью с людьми, пережившими войну и вынужденное переселение. На материале интервью с беженцами из Украины (волны 2014 и 2022 годов) анализируется ситуация, когда исследователь в глазах информантов оказывается не только «собирателем данных», но и фигурой потенциальной помощи — слушателем, «психологом», посредником, способным снять напряжение и придать смысл травматическому опыту. Показано, как вводимый автором концепт «терапевтического ожидания» реализуется в ходе интервью: через просьбы о советах и оценках, проверку границ допустимого, попытки перевести разговор из режима свидетельства в режим эмоциональной поддержки. Такие моменты взаимодействия создают риск ретравматизации участников, а также размывания исследовательской роли и вторичной травматизации самого исследователя. В статье предлагается типология ситуаций, в которых интервью начинает смещаться к «квази-терапевтическому» взаимодействию, и описываются практики удержания

границ: согласование рамки разговора, право на паузу и прекращение темы, нейтральные формы эмпатического отклика, дебрифинг после интервью и рефлексивная фиксация. Сделан вывод, что признание эмоциональной включенности исследователя может быть превращено в методологический ресурс без подмены профессиональных ролей.

Ключевые слова: глубинное интервью; вынужденная миграция; травматический опыт; этика исследования; границы роли исследователя; вторичная травматизация; рефлексивность; дебрифинг

Введение

Интервью с людьми, пережившими войну и вынужденное переселение, относятся к числу наиболее сенситивных исследовательских практик. Сенситивность здесь задается не только тематикой (насилие, утраты, разрыв повседневности), но и самой ситуацией разговора: интервью становится местом, где пережитый опыт может повторно актуализироваться, а информант начинает искать не только возможности рассказать, но и признания, опоры, подтверждения своей позиции. В этих условиях исследователь сталкивается с двойной задачей: с одной стороны, получить аналитически значимые данные о траекториях переживания и адаптации; с другой — минимизировать риски для участников и исследователя через поддержание этических и ролевых границ.

В данной статье мы предлагаем рассмотреть, как в разговорах о травматическом опыте формируется особый тип ожиданий по отношению к исследователю: информанты обращаются к нему не только как к «собирателю рассказов», но и как к фигуре поддержки, совета либо посредничества. Чтобы аналитически зафиксировать этот механизм, мы предлагаем использовать термин «терапевтическое ожидание», но не в клиническом смысле терапии, а как ожидание психологической опоры, эмоционального «контейнирования» или действия.

Под «терапевтическим ожиданием» нами понимается интеракционное смещение рамки интервью, при котором исследователь начинает восприниматься как потенциальный «помогающий». Понятие используется как аналитическая категория, выведенная из повторяющихся эпизодов интервью и операционализированная через наблюдаемые признаки: (1) прямые или косвенные обращения, переводящие интервьюера в позицию «помогающего» («что мне делать?», «как бы вы поступили?», «вы же меня понимаете?», «обязательно донесите/напишите»); (2) эмоционально-моральный пик в рассказе, после которого обращение к интервьюеру становится способом продолжить или удержать нарративный импульс; (3) зависимость дальнейшего хода разговора от реакции интервьюера (поддержит ли он, даст ли оценку, пообещает ли действие).

Такое понимание согласуется с логикой свидетельствования [Felman, Laub, 1992: 57–73], согласно которой рассказ о травматическом опыте формируется

во взаимодействии со слушающим; с концепцией эмоционального труда [Hochschild, 1983: 7–8, 137–162], трактующей профессиональные взаимодействия как требующие управления чувствами и их выражением в соответствии с «правилами чувств» роли; а также с подходом социального страдания [Kleinman, Das, Lock, 1997: 1–23], определяющим переживание и его последствия как социально опосредованный процесс.

Цель статьи — показать, как «терапевтическое ожидание» производится в сенситивных интервью о войне и вынужденной миграции, какие риски оно создает и какие практики позволяют удерживать рамку исследования, не отказываясь от эмпатии. Мы проанализируем, каким образом в интервью участники переводят исследователя в позицию «помогающего» и какие процедуры помогают снизить риск ретравматизации и размывания исследовательской роли.

Интервью как эмоциональный труд: моральная организация разговора и феномен «терапевтического ожидания»

Концептуальную рамку работы образуют несколько исследовательских подходов, связанных общим фокусом на взаимодействии между рассказчиком и слушателем в условиях травматического опыта.

Травматическое событие становится социально значимым не в момент свершения, а в акте свидетельствования, который всегда диалогичен. Слушающий не нейтральный регистратор, а соучастник производства свидетельства: его присутствие делает рассказ возможным, а его эмоциональная включенность — неотъемлемая часть события. Свидетельство — это не только «высказывание» травмированного субъекта, но и событие слушания, в котором слушающий занимает не внешнюю позицию «фиксирующего», а включен в саму возможность рассказа. Фельман и Лауб подчеркивают, что свидетельствование включает своего адресата: слушатель оказывается одновременно и «участником», и «свидетелем» (co-witness) травматического события в той мере, в какой именно через присутствие и работу слушания опыт становится «узнаваемым» и нарративно оформляемым [Felman, Laub, 1992: 57–73]. Развивая эти тезисы, можно сказать, что:

1) в интервью необходимо учитывать не только то, что рассказывается, но и как рассказ «становится возможным» (паузы, сбои, молчание, поиски слов, просьбы подтвердить понимание);

2) действия интервьюера (уточнения, подтверждения, смена темпа, допуск молчания) выступают не вспомогательным «шумом», а структурным элементом свидетельствования;

3) уязвимым оказывается сам режим слушания, требующий от интервьюера навыка удерживать границу между поддержкой и вторжением, между знанием и «не-слишком-знанием», между вопросом и давлением.

Моральная организация разговора. Микросоциология И. Гоффмана переводит внимание с «сообщаемой информации» на порядок взаимодействия и моральные обязательства участников [Goffman, 2017]. В интервью рассказчик действует в условиях потенциальной оценочности: он рискует быть прочитан как виновный, слабый, «неправильный», «не заслуживающий» сочувствия или помощи. Поэтому значительная часть реплик адресована поддержанию «лица» — позитивной социальной ценности, которую человек предъявляет в ситуации общения. В этой перспективе обращения к интервьюеру вида «Вы же понимаете?», «Как бы вы поступили?», «Это не было предательством?» можно трактовать как элементы работы по «сохранению лица» (face-work) — ритуальной практики, предотвращающей осуждение и восстанавливающей символический порядок, нарушенный биографическим разрывом.

Для точной интерпретации таких ходов полезно привлечение теории «оправдательных объяснений» (accounts), то есть адресованных другим речевых объяснений проблемного или неожиданного действия, которые нейтрализуют потенциальное моральное обвинение и «сшивают» разрыв между ожиданиями и действиями. Так в классической типологии различаются оправдания (justifications) и отговорки / снятие ответственности (excuses) [Scott, Lyman, 1968; Orbuch, 1997].

Эти интеракционные ходы в интервью переплетаются и могут выполнять разные функции в зависимости от того, кому именно адресуется рассказ и какую роль в этот момент играет интервьюер. Поиск рассказчиком признания и моральной легитимации необходим рассказчику, чтобы подтвердить приемлемость собственных переживаний и решений в ситуации потенциальной оценочности аудитории. Соответственно, работа по сохранению лица поддерживает социальную ценность участника и предотвращение осуждения. «Терапевтическое ожидание» обозначает иной аналитический срез: не только стремление быть понятым или оправданным, но и адресованное интервьюеру ожидание поддерживающего вмешательства, то есть изменения его роли на «помогающего» (эмоциональная опора, совет или оценка, посредничество). Иначе говоря, моральная работа может происходить без терапевтического ожидания, тогда как последнее фиксируется там, где к моральной уязвимости рассказчика добавляется обращение к интервьюеру как к ресурсу поддержки или действия.

Таким образом, прохождение интервью становится морально нагруженной ситуацией, где рассказчик не просто вспоминает, но и пересобирает свою социальную приемлемость (в том числе через апелляции к нормам, вынужденности тех или иных действий, обязательности проявления заботы, лояльности и т.п.), а интервьюер невольно становится «моральной аудиторией», от реакции которой зависит траектория рассказа.

Эмоциональный труд и цена профессионального присутствия. Концепция эмоционального труда А. Хохшильд позволяет рассматривать эмоциональную вовлеченность интервьюера не как частную «психологическую слабость», а как социально организованную и нормативно регулируемую практику. Хохшильд различает эмоциональный труд (emotional labor), то есть управление

чувствами, как часть оплачиваемой работы в коммерческом контексте (например, в сфере услуг) и эмоциональную работу (emotion work) как регулирование эмоций в межличностных взаимодействиях вне рынка [Hochschild, 1983]. В обоих случаях речь идет о сознательной индукции, или подавлении чувств, ради поддержания социально ожидаемой внешней экспрессии. Длительное выполнение такой работы может вести к эмоциональному отчуждению, ослаблению связи с собственными переживаниями.

Применительно к полевому интервью о травме исследователь выполняет в первую очередь именно эмоциональную работу: демонстрирует сочувствие, регулирует выражение шока, гнева или бессилия, выдерживает паузы, удерживает границу между эмпатией и профессиональной дистанцией. Методологические исследования подчеркивают, что эмоции исследователя не являются «шумом», а входят в ткань взаимодействия и потому должны учитываться как часть рефлексивного анализа данных [Kleinman, Copp, 1993; Blix, Wettergren, 2015]. Параллельно возможно накопление вторичных эффектов: от эмоционального истощения до вторичного травматического стресса [Figley, 1995] и викарной травматизации [Pearlman, Saakvitne, 1995], феноменов, связанных с длительным эмпатическим контактом с травматическим материалом.

Наконец, в исследованиях сенситивных тем риск для исследователя все чаще рассматривается как самостоятельная этическая и организационная задача: требуются подготовка, супервизия, процедуры безопасности и практики «профессиональной гигиены», позволяющие поддерживать границы и снижать вероятность вторичных последствий [Dickson-Swift et al., 2008]. Это дает основания включать в анализ не только «эмоции информанта», но и механизмы распределения эмоциональной нагрузки в интервью: кто поддерживает кого, как регулируются границы эмпатии, в каких точках возникает эмоциональное насыщение и как участники совместно управляют им в ходе взаимодействия [Kleinman, Copp, 1993; Dickson-Swift et al., 2008].

Социальное страдание как распределенный ущерб. Антропологическая рамка социального страдания [Kleinman, Das, Lock, 1997] проблематизирует индивидуализирующую оптику психологической травмы: человеческие последствия войны, перемещения и насилия понимаются как комплекс, который затрагивает тела, отношения, институты и режимы смысла.

Антропологическая перспектива «социального страдания» позволяет описывать последствия войны и вынужденного перемещения не как сумму индивидуальных «психологических травм», а как распределенный процесс, который проходит через тело, семейные отношения, институты помощи и публичные режимы смысла [Kleinman, Das, Lock, 1997]. Интервью рассматривается не только как «сообщение о пережитом», но как место, где опыт получает социально распознаваемую форму — в языке, категориях и ожиданиях, доступных участникам.

Институциональные ответы на страдание амбивалентны: они одновременно обещают поддержку и требуют правильной формы предъявления боли (доказуемости, соответствия критериям, статусным процедурам), что способно непреднамеренно усилить уязвимость [Kleinman, 1997]. В интервью это делает аналитически видимыми моменты, когда рассказчик воспроизводит или,

наоборот, оспаривает институциональные логики (цитирует формулировки, пересказывает взаимодействия с ведомствами, выстраивает «правильный» нарратив легитимности).

Понятие «критические события» у В. Дас помогает удерживать еще один фокус: катастрофа не «заканчивается» в прошлом, а продолжает действовать через повседневность: через язык, молчание, рутинные решения и телесные привычки [Das, 2007]. Поэтому в интервью значимы не только драматические эпизоды воспоминаний, но и «обычные» фрагменты, где событие проявляется косвенно — в паузах, оговорках, в измененных практиках заботы, в новых правилах общения и самоограничениях. Это означает, что травматический рассказ следует анализировать не только как личную историю, но и как узел, в котором пересекаются индивидуальная биография, институциональные требования (статусы, документы, доступ к помощи), моральные ожидания аудитории и публичные дискурсы о «жертвах», «виновных», «достойных/недостойных» сочувствия.

В совокупности выбранные подходы задают понимание травматического рассказа как социально производимого: свидетельство возникает и приобретает значимость в событии адресованного говорения и слушания; его форма зависит от взаимодействия с аудиторией и от правил моральной приемлемости, действующих в интервью. Одновременно интервью является пространством эмоциональной работы, где управляются границы эмпатии и профессиональной дистанции, а цена присутствия распределяется между участниками. Наконец, травматический опыт рассматривается как проявление социального страдания: последствия войны и вынужденного перемещения не исчерпываются индивидуальной психикой, а циркулируют через семейные отношения, институции и публичные режимы признания. В этой логике этика оказывается не внешней «надстройкой», а частью методологии: она фиксирует условия, при которых совместное производство свидетельства возможно без усиления уязвимости участников и без утраты исследовательской ответственности.

Методология и методы

Эмпирическую основу статьи составляет корпус из 65 глубинных интервью с вынужденными мигрантами из Украины, собранных в 2019–2025 годах на территории Краснодарского края. Интервью проводились как в крупных городах региона (Краснодаре, Сочи, Анапе, Ейске — 50 интервью), так и в сельской местности — в станицах и селах (15 интервью). Выборка преимущественно женская: 47 информантов — женщины и 18 — мужчины. Мужчины представлены главным образом двумя возрастными группами: молодыми взрослыми (18–20 лет) и информантами старших возрастов (60+). Женщины, напротив, представлены более широким возрастным диапазоном: от молодых участниц до информанток среднего и пожилого возраста.

Интервью проводились по полуструктурированному гайду, фокус делался на опыте вынужденного перемещения и на том, как участники рассказывают

о войне и ее последствиях в диалоге с интервьюером. Формат был смешанным: интервью проводились как очно, так и онлайн, выбор определялся логистикой и предпочтениями участников. Средняя продолжительность интервью составляла 90 минут. Рекрутирование осуществлялось через НКО, волонтерские сети и сообщества мигрантов; использовался целенаправленный отбор с элементами «снежного кома». Критериями включения были: (1) опыт вынужденного перемещения из Украины вследствие конфликтов 2014 или 2022 года; (2) возраст 18+; (3) готовность дать информированное согласие и обсуждать опыт в формате исследовательского интервью.

Этика исследования. В логике интервью как «ремесла» (*craft*) этические решения рассматриваются как часть профессиональной компетентности и рефлексивной ответственности исследователя [Brinkmann, Kvale, 2015]. В качестве нормативной рамки использованы принципы автономии, благодеяния и справедливости, примененные к качественному дизайну через критерии оценки процедур согласия, права на отказ и поддержки после интервью [Orb, Eisenhauer, Wynaden, 2001]. Практически это реализовывалось через краткий протокол минимизации вреда: перед началом интервью проговаривались добровольность участия, право не отвечать на любой вопрос и возможность остановить разговор в любой момент; уточнялась рамка роли (интервью не является психологической консультацией и не предполагает терапевтических рекомендаций). В ходе интервью применялись ситуативные «стоп-сигналы» (пауза, предложение воды/тишины, смена темы) при признаках перегрузки; после завершения проводился короткий дебрифинг и делались рефлексивные заметки о «точках эмоционального пика» и принятых решениях (пауза / остановка / смена темы). Важно, что описанный протокол представлен в статье в обобщенном виде: минимальные правила задавались заранее, тогда как часть микропрактик была эксплицирована постфактум при анализе повторяющихся эпизодов взаимодействия как типичные способы удержания рамки интервью.

В нашем исследовании дизайн не предполагал систематического долгосрочного отслеживания состояния участников после интервью; этические процедуры были сосредоточены на моменте проведения и завершения разговора. После интервью проводился короткий дебрифинг: участнику предлагалось оценить свое самочувствие, задать вопросы о целях исследования и, при необходимости, завершить беседу на менее эмоционально напряженной теме. Также оговаривалась возможность связаться с исследователем позднее для уточнения условий анонимности или использования материалов. В некоторых случаях контакт продолжался по инициативе участников (например, для уточнений или добавления деталей), а иногда сохранялся и после интервью в связи с вовлеченностью исследователя в волонтерские практики поддержки переселенцев. В таких случаях взаимодействие выходило за рамки исследовательской коммуникации и приобретало характер практической помощи. Эти контакты не рассматривались как часть исследовательских данных и не включались в анализ. Как правило, участники принимали обозначение границ: интервьюер не выступает в роли психолога и не дает рекомендаций. В случаях, когда информант прямо просил совета или поддержки, границы

проговаривались кратко и нейтрально, после чего вопросы перестраивались на описание опыта и действий. Это позволяло сохранить рабочий контакт и удержать интервью в исследовательской рамке.

Аналитическая стратегия и единица анализа. Помимо аудиозаписей и транскриптов, в анализ включались полевые заметки и рефлексивный дневник исследователя, фиксировавшие контекст интервью, динамику взаимодействия и решения по удержанию рамки разговора. Выполнялся тематический анализ корпуса текстов. На первом этапе выделялись фрагменты, в которых участник прямо или косвенно адресовал интервьюеру ожидания поддержки (подтверждения / совета / посредничества), то, что в статье концептуализируется как «терапевтическое ожидание»).

Единицей анализа выступал эпизод смещения интервью в квазитерапевтический режим: (а) эмоциональный пик / моральная дилемма в рассказе, (б) обращение к исследователю с ожиданием поддержки / оценки / действия, (в) реакция исследователя и последствия для хода разговора. На втором этапе эти фрагменты кодировались и группировались в повторяющиеся интеракционные паттерны; данные транскриптов сопоставлялись с полевыми заметками и рефлексивным дневником, что позволяло фиксировать не только содержание, но и динамику взаимодействия и решения исследователя.

Роль исследователя. Полевая работа и формирование корпуса интервью происходили в ходе реализации двух исследовательских проектов, посвященных проблемам адаптации вынужденных мигрантов из Юго-Востока Украины¹ и изучению социально-психологического самочувствия населения в условиях социальных кризисов². В рамках этих проектов был собран значительный массив интервью с переселенцами, который стал эмпирической основой данной статьи. Позиция исследователя в поле носила двойственный характер. С одной стороны, исследователь выступал в роли интервьюера и аналитика, собирающего и интерпретирующего нарративы о вынужденном перемещении и опыте войны. С другой стороны, исследователь был вовлечен в практики поддержки переселенцев как волонтер, взаимодействуя с организациями гражданской помощи. Этот опыт способствовал формированию более доверительных отношений с информантами, но одновременно требовал постоянной рефлексии границ исследовательской роли и внимательного контроля за тем, чтобы интервью сохраняло исследовательскую рамку. Работа в поле позволила увидеть не только индивидуальные переживания вынужденного перемещения, но и более широкий институциональный контекст: взаимодействие переселенцев с волонтерскими инициативами, фондами помощи и государственными структурами. Обсуждение материалов исследования происходило как в научной среде, так и в практических форматах взаимодействия с организациями, работающими с переселенцами. При этом

¹ РФФИ, грант № 19-411-230018 «Социальная адаптация мигрантов с Юго-Востока Украины в Краснодарском крае» (2019 г.)

² «Зеркальные лаборатории» НИУ ВШЭ: «Ценности и межкультурные отношения в контексте транзитивного общества: кросс-региональный анализ» (2020–2022 гг.) и «Социально-психологические факторы психологического благополучия: кросс-региональный анализ» (2023–2025 гг.).

подробности об индивидуальных случаях не передавались внешним участникам, а результаты использовались в обобщенном виде — для подготовки исследовательских публикаций, аналитических материалов и обсуждения проблем адаптации переселенцев в экспертной среде.

Примененный дизайн не предполагает статистической репрезентативности, кроме того, данные собирались в разные годы, что усиливает контекстную неоднородность. Роль исследователя как интервьюера и аналитика повышает чувствительность к эпизодам взаимодействия, но делает интерпретацию зависимой от позиции автора, для снижения этого эффекта использовались триангуляция источников (транскрипты, заметки, дневник) и обсуждение кодов с коллегами.

Результаты: три ключевых темы травматической траектории и условия возникновения «терапевтического ожидания»

Наши эмпирические данные включают интервью с людьми, пережившими вынужденное перемещение в существенно различающихся исторических контекстах — это волны 2014 и 2022 годов. Это накладывает отпечаток на систему ожиданий, с которыми информанты приходят к разговору. Участники, покинувшие свои дома в 2014 году, чаще описывают опыт, реализованный в условиях менее институционализированной поддержки и неоднозначного общественного восприятия, когда получение помощи было сопряжено с необходимостью дополнительных усилий и подтверждения своего статуса нуждающегося. В интервью данной группы это проявляется в усиленных запросах на навигацию, разъяснение процедур и подтверждение легитимности притязаний. Для информантов волны 2022 года, напротив, характерны упоминания о более развитой гуманитарной и волонтерской инфраструктуре, а также о высокой публичной видимости военных действий, что снижает потребность «отстаивать» свой статус, но может актуализировать ожидания эмоциональной поддержки и совместного осмысления травматичного опыта.

Позиции информантов внутри корпуса также дифференцированы по степени адаптации и институциональной уязвимости. Ключевыми переменными здесь выступают стабильность занятости и жилья, наличие социальных сетей, опыт взаимодействия с официальными ведомствами и длительность проживания на новом месте. Эти различия проявляются в доминирующих интенциях нарратива. Для более уязвимых и менее адаптированных информантов на первый план выходят «навигационные» и защитные запросы, связанные с оформлением документов, поиском инстанций и стремлением доказать правомерность своего положения «невиновного» в глазах потенциально недоверчивой аудитории. В группе более адаптированных и ресурсных участников фокус смещается в сторону осмысления пережитого, моральных аспектов биографического разрыва и выработки стратегий жизни в новых условиях. При этом важно подчеркнуть, что статья не ставит своей целью систематическое сравнение волн миграции или формальных статусов. Отмеченные различия

рассматриваются как контекстуальные тенденции внутри единого корпуса данных. Основной аналитический фокус работы сосредоточен на выявлении общего механизма, который воспроизводится в обоих контекстах и во всех группах, — механизма формирования «терапевтического ожидания». В определенные моменты интервью, независимо от фона и ресурсов, участники склонны смещать коммуникативную роль интервьюера в сторону фигуры поддержки, совета или посредничества. Различаются лишь социальный фон и акцент этих ожиданий (от навигационных до экзистенциальных), но не сам принцип их возникновения в динамике исследовательского взаимодействия.

В интервью устойчиво выделяются три ключевых темы, каждая из которых задает специфические формы уязвимости и ожиданий.

Первая тема связана с непосредственным переживанием войны (бомбежки, укрытия, страх за близких): здесь интервью часто приобретает характер свидетельствования, при детализации возрастает риск ретравматизации.

Вторая тема — бегство/эвакуация как биографический разрыв (ночные переходы, спешка, разлучение семей): усиливаются моральное измерение и потребность оправдать выбор.

Третья тема — постмиграционная уязвимость (потеря статуса, жилья и профессиональной идентичности, жизнь «с нуля», стигматизация), именно здесь ожидание от исследователя чаще смещается к запросу помощи и поиску решения.

Далее представлены четыре виньетки, показывающие разные формы «терапевтического ожидания» и соответствующие им риски и техники удержания рамки интервью. Под виньетками понимаются аналитические мини-кейсы, реконструирующие типичные эпизоды взаимодействия на основе нескольких сходных фрагментов интервью. Они не являются дословным воспроизведением одного конкретного разговора, а представляют обобщенную ситуацию, собранную из повторяющихся эпизодов корпуса. При конструировании виньеток сохраняются характерные реплики участников, динамика взаимодействия и ключевые элементы контекста, тогда как потенциально идентифицирующие детали (имена, точная география, последовательность событий) могут быть изменены или опущены без потери аналитического смысла. Такой формат позволяет показать микродинамику интервью и одновременно снизить риск идентификации информантов. Таким образом, виньетки используются не как иллюстрации отдельных историй, а как аналитические реконструкции повторяющихся интеракционных паттернов.

Виньетка 1. «Вы же меня понимаете?»: запрос на подтверждение и моральная уязвимость

Молодая женщина описывает ночной переход границы с маленьким ребенком и пожилой родственницей на фоне угрозы обстрелов. Рассказ разворачивается рывками: фрагменты событий перемежаются паузами, слезами и самоисправлениями. Важным узлом нарратива становится необходимость

морального оправдания принятого решения: информантка несколько раз возвращается к тому, что «оставила мужа», «оставила родителей», и при каждом возвращении как будто заново проверяет допустимость своего выбора у адресата. Повторяющийся вопрос «Понимаете? Вы же меня понимаете?» здесь работает не как уточнение фактов, а как просьба о признании: участница переводит интервью из режима «сообщения опыта» в режим моральной легитимации, где от исследователя ожидается подтверждение «нормальности» переживаний и приемлемости решения в условиях угрозы.

«Я... я просто не могла иначе (пауза). Понимаете? Вы же меня понимаете?.. Это ведь не предательство — уехать?.. Я оставила родителей... (слезы) Они сказали: "Езжай". Но все равно... как будто я их бросила... Понимаете? Бросила...» (Инф. 1, переселение в 2022 г., женщина, 31 год, дата интервью 14.06.2023).

Сходные микродинамические паттерны (возвращение к моменту выбора, его повторное проговаривание и запрос о подтверждении правомерности решения) фиксируются и в других интервью. Например, когда информанты сначала описывают оценивающую позицию родственников или «окружения», а затем транслируют потребность в оправдании на интервьюера.

«Сестра мне постоянно выговаривала потом: "Как ты смогла уехать? Ты что, их бросила? (бабушку и мать. — Примеч. авт.)". Я ей: "Слушай, у нас ребенок, я не могла рисковать". Она все равно: "Ну вот так и скажи — избавилась" (пауза). И я после этого как будто... оправдываюсь все время. Скажите... это же не значит, что я плохая? Я просто выбрала безопасность... (плачет)» (Инф. 2, переселение в 2022 г., женщина, 27 лет, дата интервью 21.08.2023).

«Мне тут говорили: "Прибежала", "сбежала", — как будто я виновата, что уехала. А у нас ночью бахнуло так, что я на полу оказалась, — не поняла даже, дети кричат, стекла посыпались. Я собрала самое нужное, одела детей и в дорогу. Без планов, без ничего (вздыхает). И потом уже слушаешь это — "сама прибежала"... Скажите, я правда должна была оставаться? Или это нормально — спасти детей?» (Инф. 3, переселение в 2014 г., женщина, 38 лет, дата интервью 14.04.2019).

Такие эпизоды создают несколько взаимосвязанных рисков.

Во-первых, интервьюер легко оказывается втянут в позицию морального арбитра: даже нейтральная реплика может быть прочитана как оценка («правильно — неправильно», «должна была — не должна была»).

Во-вторых, при недостаточно поддерживающей реакции возрастает вероятность усиления вины и стыда: повторяющийся запрос на «понимание» делает уязвимость видимой, и отсутствие отклика может восприниматься как отказ в признании.

В-третьих, при чрезмерно поддерживающем отклике (успокоение, советы, «все будет хорошо») интервью смещается в квазитерапевтический режим, из-за чего исследовательская рамка размывается, а дальнейший рассказ начинает зависеть от того, «правильно» ли интервьюер продолжает поддерживать. Наконец, эмоциональная интенсивность эпизода повышает риск перегрузки обеих сторон: информантке может стать сложнее удерживать повествование, а интервьюеру — сохранять границы роли и темп разговора.

Как удержать эмпатию и рамку исследования?

В этой ситуации применялась стратегия минимально вмешивающегося эмпатического подтверждения без оценивания решения и без перехода к советам. Она включала три шага.

1. Короткое подтверждение слышания и признание эмоции (не оценки поступка): невербальный кивок, спокойная пауза, нейтральные формулы типа «я вас слышу», «это было очень тяжело», «понятно, почему вам сейчас трудно это рассказывать». Это дает информантке «минимум» признания, необходимый, чтобы продолжать говорить
2. Уточняющий вопрос, возвращающий к действиям и контексту, а не к моральному вердикту: «Что помогло вам действовать тогда?», «Как вы принимали решение в тот момент?», «Что вы учитывали прежде всего?». Такой поворот переводит оправдание в описательную плоскость и позволяет информантке проговорить структуру ситуации (угроза, ответственность за ребенка, ограниченность выбора) без требования внешней санкции.
3. Контроль темпа и границ: если слезы/паузы усиливаются, предлагается короткая остановка и возможность сменить тему, при этом сохраняется возможность вернуться к эпизоду позже. Это снижает риск ретравматизации и поддерживает рамку интервью как исследовательского разговора.

В результате интервьюер остается в позиции поддерживающего слушателя, но избегает подмены роли терапевта или морального арбитра: контакт сохраняется, при этом нарратив продолжает разворачиваться в аналитически продуктивной логике (контекст, практики, решения), а не вокруг получения вердикта.

Виньетка 2. Невыносимые детали утраты: остановка как этическая техника

В отдельных интервью участники переходят к подробному описанию смертей близких (гибель родителей, детей или обнаружение погибших родственников). В этот момент меняется режим рассказа: повествование утрачивает дистанцию и приобретает характер повторного «проживания»: речь становится фрагментарной, появляются длительные паузы, слезы, телесные признаки напряжения, участник как будто возвращается в сцену события. Для исследователя такие фрагменты оказываются «невыносимыми» на уровне

слушания и внимания — не как личная реакция, а как индикатор критической зоны риска, где дальнейшая детализация может усиливать вред.

Инф.: *Я только... я открыла дверь... и он... (пауза) там... (кусает губы, плачет) он уже... (описывая гибель отца. — Примеч. авт.)*

Инт.: *Давайте остановимся. Вы не обязаны сейчас это проговаривать в деталях.*

Инф.: *Я... я не могу... у меня перед глазами... (Инф. 4, переселение 2022, женщина 21 год, дата интервью 15.11.2024).*

Инф. 5: *И я его... я его поднял... (длинная пауза) он тяжелый был... хотя раньше не казался таким. У него руки... (переходит на шепот) холодные уже... И я стою и не понимаю, что дальше делать... (пауза, отводит взгляд). Как будто все остановилось... (описывая гибель родственника).*

Инт.: *Я вижу, что это очень тяжело вспоминать. Хотите, сделаем паузу? Можем просто помолчать.*

Инф. 5: *Да... давайте... Потому что я сейчас опять туда... возвращаюсь... (вздыхает) (Инф. 5, переселение 2022, М., 61 год, интервью от 20.11.2024).*

Эти моменты характеризуются не «избыточной эмоциональностью» как таковой, а именно сменой режима говорения: участник перестает рассказывать «про событие» и начинает говорить «из события».

Какие риски есть в данной ситуации?

Если интервьюер продолжает расспросы (уточняет последовательность, просит описать детали), возрастает вероятность ретравматизации: участник закрепляется в режиме переживания, а после интервью возможны усиление симптомов и эмоциональный «откат» (подавленность, тревога, навязчивые образы). Одновременно у исследователя повышается риск вторичных эффектов: либо импульс «спасать» (дать советы, утешать, обещать помощь), либо обратная реакция — эмоциональное закрытие и механическое ведение разговора. В обоих случаях размывается рамка исследования и падает качество данных: интервью превращается в неконтролируемую сцену аффекта.

Возможное решение. Применялась техника остановки и переключения, основанная на принципе минимизации вреда. Она включала:

1. Отказ от уточняющих вопросов и фиксацию границы («мы можем не углубляться в детали», «вы не обязаны это рассказывать»).
2. Предложение паузы / воды / тишины и право сменить тему.
3. Перевод фокуса на менее травматичные, но аналитически значимые аспекты — ресурсы, поддерживающие связи, текущие практики жизни и восстановления («что помогло вам тогда продержаться?», «кто/что поддерживает сейчас?»).

Инт.: *Давайте сейчас чуть отойдем от этого. Я спрошу по-другому: что тогда помогло вам дойти до конца — буквально по шагам?*

Инф.: *Ребенок. Я смотрела на него и делала... просто делала...*

Инт.: *А сейчас — кто рядом, что помогает держаться?*

Инф.: *Соседка... и еще волонтеры. Они как-то... не дают опустить руки* (Инф. 6, переселение в 2022 г., женщина, 36 лет, дата интервью 15.10.2024).

Решение не углубляться в детали травмирующего события фиксировалось в рефлексивных заметках как элемент методологической компетентности в сенситивном поле: этически допустимый предел детализации здесь рассматривается как часть дизайна интервью, а не как потеря данных.

Виньетка 3. Злость и «я не знаю, что делать»: ожидание психологической опоры

Информантка рассказывает, что после переезда в Россию сталкивалась не только с сочувствием, но и со стигматизацией и даже агрессией. Описывая эпизод публичного оскорбления, она демонстрирует телесное напряжение (сжимает руки), несколько раз возвращается к одной и той же сцене, обозначает переживание как «невыносимую боль» и завершает рассказ формулой: «Я не знаю, что делать». Эта фраза маркирует интеракционный поворот: интервью смещается от описания событий к поиску выхода, а исследователь начинает восприниматься как потенциальный «помогающий» адресат совета и эмоциональной опоры.

«Я стою в очереди, и она громко: “Понаехали”. И еще добавила: “Вам тут не место” (пауза). Я сначала даже не поняла, что это мне. А потом как будто... обожгло (молчит, подбирает слова). Я злюсь, злюсь. Но если ответишь — скажут, что конфликтная. Если молчать, как будто согласилась (пауза, смотрит в сторону). И я не знаю, что делать. Просто не знаю» (Инф. 3, переселение в 2014 г., женщина, 38 лет, дата интервью 14.04.2019).

В ситуации прямого запроса («что делать?») возрастает риск подмены исследовательской роли консультативной: любое предложение может быть воспринято как рекомендация и может порождать невыполнимые ожидания или моральную ответственность исследователя. При этом чрезмерно сочувствующий ответ может закрепить зависимость разговора от поддержки, а чрезмерно дистанцированный — усилить чувство брошенности и закрыть доступ к дальнейшему рассказу. Для исследователя также вероятно «эмоциональное заражение» (злость, бессилие, желание вмешательства).

Решение: использовалась нейтральная эмпатия без обещаний и последовательная перенастройка на агентность участницы. Сначала признавалась тяжесть опыта («похоже, это действительно было очень болезненно»), затем делалась пауза, после чего вопрос «что делать» переводился из регистра совета в регистр практик: «Что вы делали тогда?», «Что помогло вам

пережить это в тот момент?», «Что помогает сейчас?», «Какие способы защиты/поддержки у вас уже есть?». Если у исследователя есть заранее подготовленные контакты внешних ресурсов, допустимо предложить информацию о них, подчеркивая границу: это не «помощь со стороны исследователя», а возможные опции поддержки вне интервью. Такая техника сохраняет эмпатию, но удерживает рамку исследования и снижает риск невыполнимых обязательств.

Виньетка 4. «Обязательно напишите»: исследователь как посредник и делегирование надежды

В ряде интервью запрос к исследователю выходит за рамку «быть услышанным» и приобретает форму обращения к интервьюеру как к посреднику. Участники предполагают, что исследователь способен «донести» проблему до тех, кто принимает решения, или хотя бы сделать ее видимой для широкой аудитории. И интервью смещается из режима описания опыта в режим делегирования надежды: рассказчик как бы передает интервьюеру часть ответственности за то, чтобы сказанное «не пропало» и «сработало». Этот поворот особенно заметен в финальных частях разговора или после эмоционально насыщенных фрагментов, когда участник подытоживает сказанное не выводом о себе, а просьбой о действии со стороны адресата.

Например, пожилая участница, описывая возвращение в освобожденный город, рассказывает о конфликте вокруг жилья («в моем доме живут другие»): появляются угрозы, возникает необходимость обращаться к властям или посредникам для восстановления прав. В ходе интервью просьбы повторяются и усиливаются: «Обязательно напишите», «Скажите об этом», «Донесите». Эти формулы переводят исследователя в позицию посредника, через которого участница пытается «доставить» свой опыт в поле институционального признания, как будто сам факт фиксации рассказа может стать защитой или шагом к решению.

«Вы только... вы обязательно это напишите. Потому что мы говорим, а нас никто не слышит... (задумывается, пауза). Напишите прямо... что я в свой дом пришла — а там чужие. <...> Пусть хоть кто-то узнает, как оно есть (эмоционально, повышая голос)... Мне бы... чтобы не пропало, чтобы знали» (Инф. 7, переселение 2022, женщина, 67 лет, дата интервью 18.06.2025).

В таких эпизодах происходит интеракционный поворот: участники обращаются к интервьюеру не только как к слушателю, но и как к возможному «каналу» передачи опыта вовне. Даже получив разъяснение о научных целях, информанты продолжают настаивать на публичной значимости сказанного.

Инф.: *Вы только напишите про это... потому что мы говорим, а потом это куда-то девается, как будто придумки это наши.*

Инт.: *Я могу включить это в анализ, но без деталей, по которым можно вас узнать.*

Инф.: *Да-да, лучше без имен... но где-то будет записано. Вот скажите там, что это не выдумки, что люди правда через это проходят (Инф. 5, переселение 2022, М., 61 год, интервью от 20.11.2024).*

Подобные обращения встречаются в интервью разных волн миграции и от информантов разного пола. Объединяет их одно: в фиксации рассказа участники видят гарантию того, что их опыт получит вес. Здесь высок риск завышенных ожиданий институционального эффекта исследования: участники могут воспринимать интервью как канал воздействия, а исследователь — испытывать моральное давление («вы должны помочь»). Возникает также риск для конфиденциальности: к примеру, рассказы о конкретном конфликте вокруг жилья часто содержат узнаваемые детали (место, имена, последовательность обращений), что может повышать уязвимость участников при публикации. Наконец, если исследователь отвечает уклончиво или слишком прямо «ничем не помогу», возможна травматизация вторичным отказом: запрос на посредничество оборачивается переживанием непризнания.

Возможно решение. Рамка удерживалась через прозрачность роли и признание значимости опыта. Ограничения проговаривались прямо и спокойно («я не представитель власти и не могу гарантировать решений»), но одновременно фиксировалась социальная значимость ситуации («то, что вы описываете, важно как пример того, как устроены конфликты и уязвимость после возвращения»). Просьбы «донести» переводились в исследовательский формат: «Я включу этот эпизод в анализ как возможную ситуацию», «Я опишу, как люди сталкиваются с такими проблемами». Параллельно усиливалась анонимизация: исключались или изменялись детали, повышающие узнаваемость (точная география, имена, редкие обстоятельства). Такая техника снижает риск завышенных ожиданий и защищает участника, не обесценивая его запрос на признание.

В совокупности виньетки показывают, что «терапевтическое ожидание» производится в интервью через повторяющиеся механизмы: моральную проверку, поиск опоры, делегирование решения и надежды на посредничество. Эти механизмы усиливаются в точках эмоционального пика и там, где опыт пересекается с институциональными процедурами признания и помощи. Соответственно, ключевой ресурс исследователя — не «эмоциональная нейтральность», а управляемая эмпатия, которая удерживает контакт, но не подменяет исследовательскую роль терапевтической или адвокатской.

Методологически это означает, что управление рисками должно рассматриваться как часть процедуры получения данных и как объект анализа: пауза, остановка, смена темы, минимальное подтверждение слышания и прозрачное проговаривание границ роли выступают не случайными реакциями, а повторяемыми техниками, обеспечивающими этическую приемлемость

и аналитическую продуктивность интервью. Именно фиксация таких решений (в дневнике/заметках) делает «этику как методологию» операционализируемой: этические границы становятся наблюдаемыми и описываемыми как элемент взаимодействия, а не остаются декларацией.

Заключение

Сенситивность интервью о войне и вынужденном переселении задается не только тематикой насилия и утрат, но и самой интеракцией в интервью: в ходе разговора исследователь часто оказывается не нейтральной фигурой. Именно в этой точке возникает «терапевтическое ожидание», то есть ожидание признания, подтверждения, эмоциональной опоры. Такое смещение рамки устойчиво проявляется в трех ключевых темах: при воспоминаниях о непосредственной угрозе и страхе, при рассказах о биографическом разрыве и моральной дилемме, при столкновении с институциональными барьерами и стигматизацией.

Выделенные виньетки демонстрируют вариативность форм «терапевтического ожидания»: от запроса на подтверждение и снятие вины до делегирования надежды и ответственности за публичность проблемы. При этом подобные обращения являются не «помехой» сбору данных, а индикатором того, как травматический рассказ морально организуется в ситуации интервью и какие роли распределяются между участником и исследователем. В методологическом плане это означает, что управление границами — не внешняя «этическая надстройка», а часть производства данных: решения об остановке, смене темы, темпе, допустимой глубине детализации и финальном дебрифинге напрямую формируют то, что может быть сказано и зафиксировано.

В статье предложен практический контур удержания рамки интервью: предварительное согласование роли и правил разговора, право на паузу / прекращение темы, нейтральная эмпатия без обещаний и оценок, переключение при признаках перегрузки, а также короткий дебрифинг после интервью и рефлексивная фиксация решений. Эти практики позволяют сохранять эмпатический контакт, но не подменять исследовательскую роль терапевтической. Ограничения анализа связаны с форматом представления материала (виньетки и рефлексивные записи вместо полного массива стенограмм), что снижает точность реконструкции отдельных речевых ходов, но позволяет сделать видимыми типовые этико-методологические дилеммы и повторяющиеся решения в поле.

Более широкие последствия для методологии качественных исследований в постконфликтных обществах состоят в том, что эмоциональные и моральные ожидания информантов следует рассматривать как структурный элемент полевой ситуации. Это предполагает описание не только «содержания» нарратива, но и условий его произнесения: фиксацию контекстов, в которых интервью смещается из режима «рассказа о событиях» в режим «поиска опоры»; прояснение вмешательств интервьюера (паузы, переключения, завершение темы)

как аналитически значимых ходов, а также включение в дизайн исследования протоколов деэскалации и завершения разговора. В сравнительной перспективе это позволяет сопоставлять не только темы и сюжеты, но и формы обращения к исследователю (как к свидетелю, представителю институций или посреднику), то есть сравнивать режимы публичного или частного говорения и условия, при которых свидетельствование становится возможным.

Второй блок последствий относится к подготовке исследователей и институциональной инфраструктуре. Если «терапевтическое ожидание» является регулярной характеристикой интервью на чувствительные темы, то риски эмоционального выгорания, вторичной травматизации и этической перегрузки должны рассматриваться как управляемые профессиональные риски, а не как индивидуальная проблема отдельного исследователя. Практически это означает необходимость формализованных практик супервизии и дебрифинга, обучения навыкам ведения сложного разговора (границы роли, распознавание перегруза, завершение темы), а также наличия институциональной поддержки: времени на восстановление между интервью, доступа к психологической помощи при необходимости и ясных протоколов реагирования на кризисные ситуации. Встраивание этих элементов в исследовательские проекты повышает не только безопасность, но и качество данных.

Третий блок последствий касается границ между исследовательской работой, активизмом и помогающими практиками. В чувствительном поле интервью нередко оказывается встроено в инфраструктуру поддержки (НКО, волонтерские инициативы, практики взаимопомощи), а сам исследователь может восприниматься участниками как потенциальный посредник или ресурс. Это повышает риск размывания ролей и завышенных ожиданий, а также этической неоднозначности контактов после интервью. Методологически это требует заранее проговаривать границы роли и возможные формы поддержки (если они предусмотрены), разделять исследовательское взаимодействие и помогающие действия, фиксировать, что считается данными и на каких условиях, и избегать обещаний институционального эффекта исследования. Прозрачность этих границ снижает риск вторичного отказа и одновременно делает само поле более предсказуемым как для участников, так и для исследователя.

Литература / References

- Bergman Blix S., Wettergren Å. (2015) The Emotional Labour of Gaining and Maintaining Access to the Field. *Qualitative Research*. Vol. 15. No. 6. P. 688–704. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468794114561348>
- Brinkmann S., Kvale S. (2015) *InterViews: Learning the Craft of Qualitative Research Interviewing*. 3rd ed. Los Angeles: Sage Publications.
- Das V. (2007) *Life and Words: Violence and the Descent into the Ordinary*. Berkeley: University of California Press.
- Dickson-Swift V., James E. L., Kippen S., Liamputtong P. (2008) Risk to Researchers in Qualitative Research on Sensitive Topics: Issues and Strategies. *Qualitative Health Research*. Vol. 18. No. 1. P. 133–144. DOI: <https://doi.org/10.1177/1049732307309007>

Felman S., Laub D. (1992) *Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis, and History*. New York; London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203700327>

Figley C.R. (ed.) (1995) *Compassion Fatigue: Coping with Secondary Traumatic Stress Disorder in Those Who Treat the Traumatized*. New York: Brunner/Mazel. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203777381>

Goffman E. (2017) *Interaction Ritual: Essays in Face-to-Face Behavior*. New York: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203788387>

Hochschild A.R. (1983) *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. Berkeley: University of California Press.

Kleinman A. (1997) *Writing at the Margin: Discourse Between Anthropology and Medicine*. Berkeley: University of California Press. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520919471>

Kleinman A., Das V., Lock M. (eds.) (1997) *Social Suffering*. Berkeley: University of California Press.

Kleinman S., Copp M. A. (1993) *Emotions and Fieldwork*. Newbury Park: Sage Publications.

Orb A., Eisenhauer L., Wynaden D. (2001) Ethics in Qualitative Research. *Journal of Nursing Scholarship*. Vol. 33. No. 1. P. 93–96. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1547-5069.2001.00093.x>

Orbuch T.L. (1997) People's Accounts Count: The Sociology of Accounts. *Annual Review of Sociology*. Vol. 23. P. 455–478. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.23.1.455>

Pearlman L. A., Saakvitne K. W. (1995) *Trauma and the Therapist: Countertransference and Vicarious Traumatization in Psychotherapy with Incest Survivors*. New York: W.W. Norton.

Scott M. B., Lyman S. M. (1968) Accounts. *American Sociological Review*. Vol. 33. No. 1. P. 46–62.

Сведения об авторе:

Муха Виктория Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия. **E-mail:** v.mukha@bk.ru. **РИНЦ Author ID:** [598470](https://elibrary.ru/author_index.action?id=598470); **ORCID ID:** [0000-0003-4975-0438](https://orcid.org/0000-0003-4975-0438); **ResearcherID:** [AAP-3427-2020](https://publons.com/author/2100000000/AAP-3427-2020/).

Статья поступила в редакцию: 14.02.2026

Принята к публикации: 18.03.2026

БАК: 5.1.1

.....

When the Interview Becomes “Almost Therapy”: Researcher’s Role Boundaries in Conversations about War and Forced Displacement

DOI: [10.19181/inter.2026.18.1.4](https://doi.org/10.19181/inter.2026.18.1.4)

Victoria N. Mukha *Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia*
E-mail: v.mukha@bk.ru

The article examines professional and ethical risks arising in in-depth interviews with individuals who have experienced war and forced displacement. Drawing on interviews with refugees from Ukraine (2014 and 2022 waves), it analyzes situations where the researcher is perceived by informants not only as a “data collector” but also as a figure of potential support — a listener, “psychologist”, mediator capable of alleviating tension and endowing traumatic experience with meaning. The article demonstrates how “therapeutic expectation” is produced during interviews:

through requests for advice and evaluations, boundary testing, and attempts to shift the conversation from testimony mode to emotional support mode. These interactional moments create risks of re-traumatization for participants, as well as risks of blurring the researcher's role and secondary traumatization of the researcher themselves. The article proposes a typology of situations where interviews begin shifting toward "quasi-therapeutic" interaction and describes boundary-maintenance practices: frame agreement, right to pause and discontinue topics, neutral forms of empathic response, post-interview debriefing procedures, and reflexive documentation. It concludes that acknowledging the researcher's emotional involvement can be transformed into a methodological resource without substituting professional roles.

Keywords: in-depth interview; forced migration; traumatic experience; research ethics; researcher's role boundaries; secondary traumatization; reflexivity; debriefing

Author Bio:

Victoria N. Mukha — Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Sociology, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia. **E-mail:** v.mukha@bk.ru. **RSCI Author ID:** 598470; **ORCID ID:** 0000-0003-4975-0438; **ResearcherID:** AAP-3427-2020.

Received: 14.02.2026

Accepted: 18.03.2026